
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Э. С. КУЛЬПИН

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ: ЭВОЛЮЦИЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Начавшийся в конце XIX – начале XX века неспешный процесс консолидации трех тюркских субэтносов полуострова Крым приобрел в 1930-е годы специфическое «советское» лицо. Депортация в Среднюю Азию в 1944 году драматически ускорила формирование этноса, отменила уникальные особенности этногенеза и политогенеза. Репатриация с конца 1980-х годов вызвала к жизни новые проблемы самоидентификации нации, в новом столетии они оказались связанными с религией.

Ключевые слова: *социоестественная история, Исмаил Гаспринский, этнос, диаспора, вмещающий ландшафт, демографическое поколение.*

Присоединение Крыма к России (1783 год) резко изменило если не все, то очень многие устои жизни местного населения. Утрата государственности для коренных народов Крыма означала начало перехода из одного цивилизационного состояния в другое, провоцируя протестные настроения. Сильная имперская власть жестко подавляла активное сопротивление, но вовсе не стремилась к физическому уничтожению бунтовщиков. Не желающим жить в империи предоставлялась «гуманная» возможность добровольно покинуть родную землю. Как пишет А. А. Бенингсен (1993: 82), «характерной особенностью истории крымских татар... стала повальная миграция тысяч и тысяч жителей Крыма, обычно происходившая при ужасающих условиях и заканчивавшаяся значительными потерями». Потери были не только персональными, но и общественными – экономическими и культурными. Многие активные и всесторонне развитые представители народа покинули территорию ханства. Осталось население, в большинстве своем политически, экономически и культурно неразвитое, пассивное и географически разобщенное на три субэтноса.

Историческая психология и социология истории 2/2013 86–94

История знает немного фактов, когда группа интеллектуалов брала на себя миссию возрождения национальной культуры и выполняла ее, но почти нет примеров, когда подобную миссию выполнил один человек. У крымских татар таким был Исмаил Гаспринский (1851–1914) (см.: Гаспринский... 2006). Он показал, что один человек, не имеющий никаких властных полномочий, не использующий никакого насилия – ни физического, ни интеллектуального, – но целенаправленно и честно действующий на благо народа, способен изменить судьбу целого народа за краткий срок своей жизни¹.

В 1920–1930-е годы советская власть своеобразно, но активно способствовала развитию национальных культур. Начатый Гаспринским процесс, целью которого было достижение всеобщего начального образования, продолжался. Три субэтнуса – прибрежный, горный и степной, – имевшие существенные различия в культуре и языке, вступили в фазу интенсификации культурного синтеза, конечным результатом которого должен был стать единый этнос. Завершение этого в целом естественного процесса должно было произойти через смену нескольких демографических поколений, получающих идентичное образование в средней школе. Техническая основа была создана: в 1936 году в Крымской АССР было 386 крымскотатарских школ (Перепелкин, Руденский б. г.).

Как известно, развитие советских наций происходило на специфической идеологической основе. Прежняя культура и ее носители были отторгнуты новой властью. Если раньше образование, как и везде в районах мусульманского населения России, по большей части начиналось при мечетях, где мулла учил грамоте мальчиков, а его супруга – девочек, то теперь остались только светские начальные школы. Если раньше обучение шло на основе арабской графики, то с 1930-х годов – на латинице. Изменение шрифта в условиях изначально невысокой грамотности населения означало отрыв новых поколений от старой письменной культуры. Следующий переход от латиницы к кириллице закрепил этот отрыв. Вторая мировая война остановила процесс полной ликвидации неграмотности старших поколений и достижения грамотности на уровне средней

---

¹ Правда, при одном неперенном условии. Гаспринский так оценивал сто лет, прошедшие после присоединения Крыма к России: «Мы усматриваем лишь одно хорошее деяние, достойное великой миссии: это уничтожение рабства там, куда проникла эта власть. И странное дело, рабство уничтожилось русскими среди азиатов в то время, когда оно процветало еще в недрах коренной Руси» (Исмаил бей... 1993: 20–21).

школы новых поколений. Получение идентичного образования на протяжении смены нескольких демографических поколений – основы сложения единого современного этноса – не состоялось.

Насильственная депортация (Вяткин 1997а; 1997б) резко изменила условия бытия. Крымские татары на чужбине стали *диаспорой* (характерные черты диаспоры см.: Милитарев 1999), и как единое целое крымскотатарский этнос образовался вследствие *катаклизма изгнания*. Процесс этногенеза пошел по необычной траектории во времени и пространстве. Синтез единого этноса из трех субэтносов, имеющих существенные различия, в естественных условиях происходит постепенно, в течение смены нескольких демографических поколений. В изгнании синтез начался по сравнению с естественным процессом катастрофически мгновенным насильственным перемешиванием представителей всех субэтносов на грани физического выживания в лагерях спецпереселенцев. Условия старта процесса были экстремальными: во время депортации погибла чуть ли не половина населения.

В лагерях спецпереселенцы были лишены не только возможности развивать национальную культуру, но и основных гражданских прав. Все это создало условия для уникального (катастрофического) ускорения процесса образования современного этноса. Процесс прошел в течение смены двух демографических поколений. Вначале условия жизни спецпереселенцев были средними между условиями жизни заключенных советских концлагерей и обычной жизнью свободных людей, однако настолько свободных, насколько это возможно в жестких тоталитарных режимах. Разумеется, жизнь представителей этноса-изгоя резко отличалась не только от прежней жизни депортантов, но и от жизни представителей их нового этнического окружения.

Острый дефицит орошаемых земель в Азии не позволял посадить на землю переселенцев – в подавляющем большинстве сельских жителей, земледельцев. К тому же планы советской индустриализации императивно требовали использовать новых жителей Азии в промышленном производстве – там, где не были заинтересованы трудиться аборигены. Лишенным политических прав переселенцам не было оставлено иной возможности личного социально-политического самоутверждения и социально-экономической вертикальной мобильности, кроме совершенствования в области технических специальностей и производственного профессионального роста. Индивидуальное самоутверждение и профессиональный рост

были как никогда и нигде почти напрямую связаны с необходимостью получения образования, прежде всего общего среднего – предпосылки среднего технического. Первое поколение депортантов, выросшее в Центральной Азии, в отличие от родителей, заканчивало уже не только начальную, но обязательно – среднюю школу, затем получало техническую подготовку, а впоследствии ориентировало своих детей (второе поколение переселенцев) на получение высшего специального образования.

Здесь нельзя не вспомнить, что индустриализация в советской Азии инициировалась не столько внутренними процессами развития, сколько внешними и во многом чуждыми для Азии общегосударственными и планетарными амбициями Советского Союза – наследника Российской империи. Для осуществления задач индустриализации в азиатские города приходилось насильно переселять рабочих из Центральной России и крестьян из сельских районов той же Азии. Для первых переселение означало жизнь в непривычном климате и культурном окружении, для вторых – снижение качества и уровня жизни в условиях непривычной тяжелой работы в промышленном производстве, нечеловеческих, по их представлениям, условиях существования в городских квартирах новой массовой панельной застройки, получившей в народе наименование «хрущобы». И горожане из европейской части страны, и вчерашние жители местных кишлаков оказывали пассивное, но эффективное сопротивление планам руководства СССР по индустриализации Азии. В ином положении находились спецпереселенцы из числа репрессированных народов. Для них выход из спецлагерей открывал перспективу изменения морального и социального статуса и безусловное повышение уровня и качества жизни.

Здесь важно обратить внимание на детали. Имея мощные стимулы к образованию, крымские татары стремились изначально получить образование на том языке, на котором издавалась техническая литература, – на русском. Для быстрого освоения русского языка родители не только не сопротивлялись политике русификации, но сами отдавали своих детей в русскоязычные ясли, детские сады и школы. Поскольку родители (и более старшее поколение) вынуждены были работать по 8 часов 6 дней в неделю, а нередко и более, младшие поколения в принципе были лишены полноценных контактов со старшими и, в частности, необходимого времени общения для естественного усвоения родного языка. С малых лет они усваивали как родной не татарский, а русский язык.

Индустриальная востребованность отделила депортированных от местного сельского хозяйства, где они должны были контактировать с культурно близким тюркским населением, и насильственно интегрировала их в русскоязычную среду, осознанно или неосознанно ориентированную на *государство-империю*. К жизни в этой среде большинство переселенцев «инструментально» были готовы: 76,1 % из них свободно владели русским как вторым языком (Перепелкин, Руденский б. г.). В изгнании интегрированность в русскую культурную среду привела к утрате многих элементов национальной идентичности и, поскольку «свято место пусто не бывает», к замене их элементами русской культуры. В условиях советской Азии, русско-советской имперской культуры и русско-советской имперской национальной идентичности это стало аналогом западного *бремени белого человека* в его царском и советском вариантах². Сложившийся в изгнании этнос был принципиально иным, не таким, каким бы он стал в результате естественного развития³. После тяжелой депортации этнос сумел адаптироваться к новой природной среде и новой среде межэтнических отношений, что нашло свое отражение, с одной стороны, в стремительном демографическом росте⁴, с другой – в самой популярной до сих пор песне крымских татар: «Ташкент – родина моя».

Возвращение крымских татар на историческую родину было обусловлено не только ностальгией, но и общей атмосферой дискриминации русских и русскоязычных жителей Средней Азии в конце существования СССР. В националистических настроениях аборигенов Центральной Азии крымские татары (наравне с другими русскоязычными народами) соединялись с русскими в одно враждебное целое. Отношение к пришлым этносам выражалось не

---

² Проблема модернизации для колоний выразилась в так называемом *бремени белого человека* – модернизации колоний по образцу метрополий. Как справедливо пишет В. В. Лапкин (2012: 97, 110), для культурной европеизации и технической модернизации России «потребовалось новое радикальное преобразование всего социального и государственного механизма самодержавия, что удалось осуществить лишь по итогам большевистского переворота»; «Именно потребность продолжения (имперской. – Э. К.) нерыночной индустриализации обусловило появление большевистского режима, который был призван “решить эту проблему”».

³ Феномен еще требует специального изучения, так как не исключено, что из репрессированного народа в большей мере, чем из какого-либо другого, удалось создать *Homo soveticus* – то, что не удалось сделать с другими народами СССР (см.: Кульпин 1997а).

⁴ По архивным данным об учете специально переселенных по республикам, к 1 июля 1950 года в Узбекской ССР насчитывалось депортированных из Крыма – 126 114 человек (Юнусова 2012: 110)), а выехало в Крым из Узбекистана в 1990-е годы около 250 тыс. человек.

только глухим неприятием, но также массовыми столкновениями в конце 1980-х годов. Хотя прямая агрессия местного населения имела своим непосредственным адресатом турок-месхетинцев, последние просто стали «козлами отпущения» за всех переселенцев. Отражая общие настроения, тогдашний узбекский официоз писал так: «Местное население, чаша терпения которого тоже переполнилась в тяжелой социально-экономической обстановке в республике, выступило с серьезным требованием улучшить условия жизни, обеспечить молодежь работой, покончить с несправедливостью в национальных отношениях... В Фергане проживают люди разных национальностей – турки, крымские татары, евреи, немцы и другие. Однако удивительно то, что они, по сравнению с узбеками, живут сытно, зажиточно. Наша ли вина, что мы живем на селе, сеем хлопок?»⁵. Центральная власть вынуждена была признать, что стычки явились результатом усилившегося «яростного националистического» настроения среди местного населения, и они настраивали проживающие в республике народы друг против друга⁶. Тогда в Фергану для подавления стычек среди молодежи прибыл начальник главного управления внутренних войск МВД СССР Ю. В. Шаталин и подразделения внутренних войск в количестве 13 тыс. человек (Лурье, Студеникин 1990; Юнусова 2012).

В ходе опроса в 1990-х годах наши респонденты-репатрианты жаловались на невозможность продать дома и утварь в Узбекистане иначе, как за бесценок. Общий настрой узбеков и других местных жителей выражался в сентенции, обращенной к крымским татарам: «Голыми приехали – голыми уедете». Репатриация крымских татар осуществлялась из одной окружающей среды, где они стали нежеланными, в другую, где их не ждали.

После репатриации крымские татары в социально-культурном отношении продолжают находиться в положении диаспоры. При этом с точки зрения ментальности окружающая среда – русская диаспора в Крыму (и на Украине), *post Homo soveticus* – не просто понятна, она – «своя»: для одних – «своя» вторично, для других – первично (см.: Кульпин 1997б). Достаточно сказать, что *после возвращения на родину вплоть до сего дня крымские татары вынуждены учить свой родной язык как иностранный*. Диаспоральное

⁵ См.: «Совет Ўзбекистони» 10 июня 1989 года (цит по: Юнусова 2012: 111).

⁶ О трагических событиях в Ферганской области и ответственности партийных, советских и правоохранительных органов // Известия ЦК КПСС. 1989. № 10 (цит по: Юнусова 2012: 114).

положение для крымских татар (как и казанских татар в Российской Федерации вне Татарстана) вместе с тем необычно: они живут на исконно своей земле. И это положение порождает у представителей этноса ощущение неравноправности – угнетенности, униженности и оскорбленности (Кульпин 2007).

Политическая нация, осуществившая репатриацию, встала перед проблемой восстановления (а практически создания почти с нуля) культурной идентичности с неизбежными значительными элементами утраченной традиционной культуры, к чему предшествующая жизнь репатриантов их совершенно не готовила. На чужбине в специфических условиях советской Средней Азии этнос занял «экологическую нишу» посредника между не просто производственными, но социальными стратами: руководителями промышленных предприятий и рядовыми рабочими. Крымские татары стали начальниками цехов, инженерами и техниками. Директора и главные инженеры ведущих производств в Азии были русскими по культуре, инженеры и техники – полиэтничны, но практически без исключений – представителями русской культуры, рядовые рабочие – из традиционных местных этносов. Хотя среднестатистический уровень образования у крымских татар был выше среднего уровня многих этносов СССР, среди крымскотатарской интеллигенции гуманитарии были редкостью, они, как правило, были представителями старших поколений, которые дожили до репатриации, но не пережили ее.

К сегодняшнему дню нация потеряла немногих интеллектуалов 1920–1930-х годов рождения, не имеет дипломированных гуманитариев среднего возраста и не успела вырастить интеллектуалов из нового постсоветского поколения. Ситуация хуже, чем в китайской поговорке: «Старый урожай уже на исходе, а новый еще на корню». Поэтому поиски национальной идентичности осуществляются не столько осознанно, сколько бессознательно, причем по разным траекториям у разных возрастных поколений (см.: Кульпин 2012а; 2012б). Сейчас все поколения проходят испытание глобализацией, Интернетом и исламом – монотеистической религией, наиболее привлекательной для молодежи. Ислам использует Интернет, теоретически опирается на процесс глобализации и практически применяет его. Если традиционный российский ислам националистичен, иными словами, традиционные национальные ценности для него превыше всего, то новый ислам интернационален: для него конфессиональная принадлежность выше этнической. У ислама

всегда были (а ныне обостренно выражены) два лица – интернациональное и национальное, и адепты двух мировоззрений находятся в непримиримой борьбе. Так, гражданская война в Дагестане сегодня – это также борьба между салафитами (интернационалистами) и традиционалистами (националистами) в исламе. В Чечне гражданская война вышла из острой фазы, в частности, за счет победы традиционного ислама над салафитами (см.: Малащенко 2009). В Крыму эта борьба только начинается.

У крымских татар ислам был вытравлен за годы советской власти как на родине, так и на чужбине – в Центральной Азии. Вернувшиеся в Крым татары безосновательно считали себя мусульманами⁷. Ныне несмотря на то, что просвещение в этом направлении дало значительные успехи и старшие и средние поколения ментально вне религии (во всяком случае, они не подвержены влиянию салафитов), новое поколение, выросшее на родине после репатриации, не имеет иммунитета к мощному воздействию ислама вообще и салафитов в частности.

Литература

Бенингсен, А. А. 1993. Исмаил бей Гаспринский (Гаспралы) и происхождение джадидского движения в России. *Исмаил бей Гаспринский. Россия и Восток*. Казань: Казанское книжное изд-во.

Вяткин, А. Р.

1997а. Миграционные потоки и проблемы адаптации. *Крымские татары: проблемы репатриации*. М.: ИВ РАН, с. 78–114.

1997б. Среднеазиатский тупик: причины возникновения, масштабы, пути выхода. В: Вяткин, А. Р., Кульпин, Э. С. (отв. ред.), *Крымские татары: проблемы репатриации*. М.: ИВ РАН, с. 129–133.

Гаспринский Исмагиль: тарихи-документаль жыентыл / тоз. С. Рэхимов. Казан: Жиен, 2006.

Исмаил бей Гаспринский. Россия и Восток. Казань: Казанское книжное изд-во, 1993.

Кульпин, Э. С.

1997а. Трансформация крымскотатарского этноса (1944–1996). *Крымские татары: проблемы репатриации*. М.: ИВ РАН, с. 38–50.

---

⁷ В нашем обследовании, охватившем жителей Крыма разных национальностей, был ряд контрольных вопросов. Так, если респондент называл себя христианином, мы задавали вопрос: как формулируется первая заповедь? Если мусульманином: что такое пять столпов веры? Удивительно, но факт: мы ни разу не получили верного ответа на эти вопросы.

1997б. Структурный кризис в Крыму как фон взаимодействия репатриантов и сложившихся форм расселения. В: Вяткин, А. Р., Кульпин, Э. С. (отв. ред.), *Крымские татары: проблемы репатриации*. М.: ИВ РАН, с. 70–76.

2007. Крым: проблема собственности на природные ресурсы. *Человек и природа: противостояние и гармония*. М.: ИАЦ-Энергия, с. 58–60.

2012а. Малая нация в иноэтническом окружении на постсоветском пространстве. На примере крымских татар. *Страны Востока: Социально-политические, социально-экономические, этноконфессиональные и социокультурные проблемы в контексте глобализации. Памяти А. М. Петрова*. М.: ИВ РАН, с. 218–222.

2012б. Национальные цели крымских татар. *Вопросы развития Крыма*. Серия «Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы». Вып. 16. Симферополь: СОНАТ, с. 328–333.

Лапкин, В. В. 2012. *Политическая модернизация России в контексте глобальных изменений*: науч. монография. М.: ИМЭМО РАН.

Лурье, М., Студеникин, П. 1990. *Запах горы и горя. Фергана: тревожный июнь 1989-го*. М.: Книга.

Малашенко, А. 2009. *Рамзан Кадыров: российский политик кавказской национальности*. М.: РОССПЭН.

Милитарев, А. Ю. 1999. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции). *Диаспоры* 1: 24–33.

Перепелкин, Л., Руденский, Н. [б. г.] *Этнополитические проблемы крымских татар*. URL: <http://www.hrights.ru/text/b2/Chapter6.htm>.

Юнусова, Х. Э. 2012. Причины и последствия этнических инцидентов в Ферганской долине в 80-е годы XX века. *Евразийское пространство: прошлое, настоящее, будущее. Материалы круглого стола*. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, с. 110–116.

What is SNH? 2007. Interview with E. Kulpin, provided by I. Khaliy. In Kulpin, E. (Kulpin-Gubaidullin) (ed.), *Social-Natural History. Selected Lectures I–XVI Schools (1992–2007)*. Moscow: KomKniga, pp. 5–13.